

Философские науки

УДК 1(091)

Е.Ю. Талалаева

Екатерина Юрьевна Талалаева, ассистент кафедры философии и методологии науки Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов, ул. Интернациональная, 33), e-mail: kater-.-ina@mail.ru

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ПОНИМАНИЯ ИНЫХ КУЛЬТУР

В данном исследовании осуществлен анализ роли рациональности в контексте межкультурной коммуникации. Рациональность представлена автором в качестве антропологической константы, присущей всем представителям культурного разнообразия мира и лежащей в основе межкультурного взаимопонимания. Герменевтический подход к исследованию проблемы понимания позволяет выявить как внешнюю социальную форму этого феномена (следование правилам), так и его предварительное условие (рациональность). Особое внимание уделено неопрагматическим воззрениям американского философа Ричарда Рорти на природу и взаимосвязь рациональности и культуры.

Ключевые слова: герменевтика, рациональность, понимание, культура, прагматизм, Р. Рорти.

E.Yu. Talalaeva

Talalaeva Ekaterina Yuryevna, Assistant lecturer of philosophy and methodology of science department of the Tambov state university n.a. G.R. Derzhavin (33, Internatsionalnaya St., Tambov), e-mail: kater-.-ina@mail.ru

RATIONALITY AS PREREQUISITE FOR UNDERSTANDING OF OTHER CULTURES

The paper analyzes the role of rationality in the context of inter-cultural communication. The author presents rationality as an anthropological constant for all representatives of the cultural diversity of the world and as the basis of intercultural understanding. The hermeneutic approach to the study of the problem of understanding reveals both the external social form of this phenomenon (following the rules) and its precondition (rationality). The research focuses on the non-pragmatic views of the American philosopher Richard Rorty on the nature and the relationship of rationality and culture.

Key words: hermeneutics, rationality, understanding, culture, pragmatism, R. Rorty.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 16-33-00048-ОГН «Проблема понимания иных культур:
философско-методологический анализ».*

Вплоть до «герменевтического поворота» прошлого столетия, явившегося ключевым фактором преобразований подходов к решению коммуникативных проблем в гуманитарной и социокультурной областях знания, возможность понимания иных культур оставалась на уровне само собой разумеющихся предположений исследователей различных сфер науки. Наибольшее влияние «герменевтический поворот» оказал на пересмотр способов изучения коммуникативных практик, анализа процесса интерпретации с рациональной точки зрения и раскрытия природы *понимания* как ключевой герменевтической категории. Сложившийся в герменевтической традиции подход к изучению данных проблем позволил по-новому поставить вопрос о сущности понимания в контексте

коммуникативных практик в межкультурной сфере и различных факторов, предшествующих пониманию. При этом предпосылкой к межкультурному взаимопониманию является *рациональность* как особая антропологическая константа, разделяемая всеми культурами.

Изначальная цель герменевтики заключается в конструировании условий, благодаря которым становится возможной интерпретация языка преимущественно в его текстовом отображении, что можно рассматривать в качестве результата функционирования разума человека. В более широком смысле можно констатировать, что: «Герменевтика стремится воссоздать непрерывный духовный, культурно-исторический опыт человечества, объективированный в материальных знаках, внешне доступных для восприятия форм выражения» [4, с. 15]. Таким образом, специалисты по герменевтике во многом обращаются к историческому познанию, чтобы восстановить картину понимания текстов предшествующих эпох. Ключевыми звеньями в данном процессе по праву считаются язык и традиция, как протянутая из прошлого в настоящее нить преемственности. Тем не менее, герменевтика призвана не только служить опорной точкой преодоления непонимания в преемственности поколений, принадлежащих к одной культурной традиции, но и налаживать коммуникативные мосты между разными культурами. Следует отметить, что преобладающее еще со времен эпохи Просвещения убеждение об изначальной способности разума к осмыслению различных аспектов иной культуры с течением времени все сильнее подвергалось сомнениям, что впоследствии привело к фактическому переосмыслению оснований правомерности «межкультурной герменевтики» [7] и возрастающему недоверию к возможностям ее осуществления. Однако, как на это указывает А.С. Гапонов в исследовании о влиянии герменевтики на социальную науку: «Беспредпосылочное мышление – миф эпохи Просвещения» [2, с. 71]. «Герменевтический поворот» в философских взглядах ученых прошлого и нынешнего столетий, вновь обративший на проблему понимания в процессе коммуникации внимание исследователей

различных областей знания, позволил по-новому проанализировать роль рациональности в коммуникативной сфере. По утверждению румынского социолога М. Русу, рациональность, являясь антропологической константой, приемлема для всех культур, а «общность разума» [6, р. 64] составляет основу возможного межкультурного взаимопонимания.

Но что же скрывается под понятием «рациональность»? Опираясь на философские исследования американского философа Ричарда Рорти, можно предложить три основных варианта определения рациональности [5, р. 581–582]. Прежде всего под этим понятием подразумевается совокупность «навыков выживания» как некая способность, присущая человеку в более технологически развитом виде, нежели другим живым существам. Такая рациональность направлена на приспособление к окружающей среде при помощи развития технических средств и является этически нейтральной с точки зрения ее соотношения с той или иной культурой.

С другой стороны, рациональность можно представить в качестве исключительно человеческой черты. Подобный подход имеет выраженные этические основания, которые не сводятся лишь к инстинкту выживания. Историческое наследие, равно как и современная жизнь, предлагают нам немало примеров, когда человек, руководствуясь моральными мотивами, может скорее отказаться от собственной жизни, чем совершить или не совершить какого-либо поступка. Такое представление о рациональности сопровождается ценностной иерархией для корректировки избранных средств достижения поставленной цели.

Однако оба предшествующих определения рациональности не дают ответа на вопрос, что позволяет представителям различных народов и культур совместно существовать в едином мире. С этой позиции рациональность приобретает значение *толерантности* в ее прагматическом аспекте. Определяющей чертой такой способности является готовность понять противоположную сторону в рамках конструктивного диалога и при помощи убеждения, а не враждебного противостояния противоборствующей

стороне или изгнания несогласных из общества, реализовывать собственные интересы. Именно такая рациональность лежит в основе мирного сосуществования с другими людьми, народами и культурами, так как она нацелена на поиск компромиссных решений в процессе совместного существования. Кроме того, она претендует на своеобразную антропологическую универсальность и разделяется представителями всего культурного разнообразия нашего мира. При этом правомерно возникает вопрос: что нам следует понимать под термином «культура»?

Если мы снова обратимся к прагматической философии Рорти, то сможем проанализировать три ведущих определения культуры [5, р. 582–585]. При самом первом приближении она предстает перед нами как набор общеразделяемых привычных для каждого человека действий, которые позволяют ему «влиться» в единое человеческое сообщество и достичь гармоничного сосуществования с социальной средой и окружающим его миром в целом. Однако такое представление о культуре является весьма многогранным. Мы можем констатировать множество различных культур, начиная от культуры научной лаборатории или студенческого сообщества, вплоть до глобальной мировой культуры. Исходя из этого, человек принадлежит к значительному числу разных культур: городу, в котором он проживает, университету, где он обучается или преподает, определенному социальному классу, религиозной традиции и пр. В этом смысле культура не является некой нравственной ценностью и вовсе не обязательно указывает на наличие у человека уникальной черты, отличающей его от других живых существ. К примеру, так же обстоятельно можно констатировать культуру поведения отдельных групп животных. Терминологически это сближает культуру с понятием рациональности как определенного набора навыков приспособления к окружающей среде. Однако это ставит исследователей перед существенной проблемой идентификации и классификации такого широкого культурного разнообразия.

Таким образом, мы приходим к необходимости иного подхода к рассмотрению культуры как целостного феномена, присущего исключительно человеку. В некотором смысле ее можно обозначить термином «высокая культура». В отличие от предыдущего описания термина, такое представление о культуре в различной степени применимо к разным сообществам людей. К примеру, показателем наличия у человека такой культуры является способность свободно воспринимать и переосмысливать абстрактные идеи или рассуждать об онтологическом значении произведений искусства: живописи, музыки, архитектуры или поэзии. «Высокая культура» может быть привита в ходе воспитательных и образовательных процессов, что не всегда находится в доступности для всех членов общества в силу экономического неравенства и социальной стратификации. Тем не менее, мы приходим к выводу, что культура формируется при неразрывной взаимосвязи с понятием рациональности, так как оба данных понятия обозначают собой неотъемлемо присущую человеку черту. Культура предстает в виде точки опоры для преодоления иррациональных животных инстинктов в пользу общечеловеческих идеалов – так или иначе понятных всем людям и заслуживающих их признания и уважения. Несмотря на существенные с первого взгляда отличия одной культуры от других, следует учитывать, что ее представителями являются люди как лингвистические индивиды, т.е. наделенные способностью говорить на языке и понимать сказанное на нем.

Именно способность человека говорить, слышать и понимать речь указывает на его сопричастность к языку как объективному феномену и позволяет ему вступить в диалог, в процессе которого представляется возможным наладить разделяемое всеми участниками взаимопонимание. Принцип диалога является важнейшим герменевтическим элементом в процессе понимания. Понимание изначально ориентировано на оказание помощи лингвистической личности в раскрытии ей своих предельных и потенциальных жизненных возможностей. Учитывая тот факт, что человеку свойственно интерпретировать бытие, которому он принадлежит, исходя из

собственной картины мира и представлений о нем, мы приходим к необходимости установления предварительного условия понимания. Такое условие обеспечивает реализацию возможностей человека, заранее спроектированных его разумом. Располагая такой способностью как рациональность, человек всегда стремится предварительно сконструировать в процессе понимания проекцию образа собственного «Я», позволяющего не только противоположной стороне верно интерпретировать заложенную в речь информацию, но и сформировать говорящему индивидуальный подход к самопониманию. Интерпретация в свою очередь является отображением того, что уже было понято человеком в ходе диалога, и осуществляется она преимущественно в языковой форме. При этом особое внимание следует уделить тому, что: «Ключ к разгадке герменевтической проблемы понимания находится в языке» [4, с. 24]. В частности, философская герменевтика признает приоритет языковой проблематики в силу того, что понимание происходит всегда на языке.

Таким образом, мы приходим к констатации факта, что понимание в герменевтическом плане тождественно языковому пониманию. В философии языковая проблематика не является прерогативой исключительно области герменевтики, так или иначе вопросы о сущности и функционировании языка ставятся перед всеми научными направлениями. Однако, в отличие от прочих философских течений, герменевтика предлагает уникальный подход к выявлению сущности языка. Язык, с герменевтической точки зрения, не является просто коммуникативным инструментом или средством выражения мысли. Скорее это образ мира, отражение окружающей человека реальности. Так, основателем философской герменевтики Хансом-Георгом Гадамером была предложена идея, в соответствии с которой немецкий философ утверждал, что человеческое мышление имплицитно определяется языковой картиной мира конкретного человека. При этом мыслитель отвергал идею объективного разума: «идея абсолютного разума вообще не входит в число возможностей исторического человечества. Разум существует для нас лишь

как реальный исторический разум, а это означает только одно: разум не сам себе господин, он всегда находится в зависимости от тех реальных условий, в которых проявляется его деятельность» [1, с. 238]. Следовательно, человеческая речь носит субъективный и по существу контекстуальный характер.

Но прежде всего язык – это деятельность. Деятельностная природа языка может раскрыться в этом мире лишь благодаря тому, что человек наделен способностью говорить. Присущий ему дар речи во многом предопределяет сущностную взаимосвязь между говорением и пониманием. Для того чтобы достичь понимания в ходе определенной языковой деятельности, людям необходимо выработать конкретную систему правил коммуникативной деятельности, основанную на всеобщем согласии и признанную всеми заинтересованными сторонами. Если представить язык в качестве специфического социального организма, то следует признать, что только общественное мнение является окончательным при установлении правильности или неуместности отдельных способов употребления языковых выражений. Очевидно, что: «*понимание* достижимо лишь в контексте конкретной языковой социальной практики, регулируемой правилами или социальными нормами, основанными на общественном *согласии*» [3, с. 270]. В связи с этим вполне правомерно установить, что следование правилу в контексте языковой деятельности представляет собой внешнюю форму понимания. Однако будучи социальным существом, человек не только руководствуется общественными предписаниями, он также движим внутренними побуждениями, определяемыми присущей ему рациональностью.

Способность человека к рациональному мышлению вырабатывается только в связи с его причастностью к общественной жизни и окружающей культурной среде. Рациональность позволяет человеку выработать прагматическое отношение к действительности и к людям, с которыми он совместно существует в едином социальном мире. При этом

рациональностью в равной степени может быть наделен тот или иной человек, вне зависимости от того, к какому народу он принадлежит, и без учета его культурной идентичности. Этим определяется универсальность рациональности как антропологической константы, лежащей в основе конструктивного диалога между представителями различных культур. Именно поэтому так важно научиться понимать и верно интерпретировать сказанное на языке представителем иной культурной традиции, опираясь при этом на нейтральный по своей природе принцип рациональности и прагматизма.

Список используемой литературы.

1. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. 704 с.
2. *Гапонов А.С.* Социальная наука в контексте «герменевтического поворота» // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 71–74.
3. *Талалаева Е.Ю.* Понимание как основа коммуникативных практик в социальном мире: Л. Витгенштейн и М. Хайдеггер // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 8. С. 264–271.
4. *Чернова Я.С., Медведев Н.В.* Философская герменевтика Поля Рикера: монография. Тамбов, 2014. 140 с.
5. *Rorty R.* A Pragmatist View of Rationality and Cultural Difference // *Philosophy East and West*. 1992. Vol. 42. № 4. P. 581–596.
6. *Rusu M.S.* Hermeneutics of reason: the principle of common rationality as premise of understanding the Other(s) // *Journal of Comparative Research in Anthropology and Sociology*. 2013. Vol. 4. № 1. P. 63–83.

7. *Marotta V.* Intercultural Hermeneutics and the Cross-cultural Subject
// *Journal of Intercultural Studies.* 2009. Vol. 30. P. 267–284.